ВОСТОЧНАЯ

ЛЮТНЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1824.

ВОСТОЧНАЯ ЛЮТНЯ.

Ал. Шишкова.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1824.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Люблю минувшихъ лѣтъ дѣянья
Изъ ночи мертвой вызывать,
И въ пѣсняхъ вновь передавать
Востока давнія преданья.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Октября 23 дня, 1824 года. *Ординарный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Алексѣй Мерзляковъ.*

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ДАГЕСТАНСКАЯ УЗНИЦА,

ВОСТОЧНОЕ ПРЕДАНІЕ.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ

РУДЗЕВИЧУ.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ РУДЗЕВИЧУ.

Когда надъ гордымъ Дагестаномъ
Носились мщенье, смерть и страхъ,
И Кенты въ заревѣ багряномъ
Вокругъ дымились на горахъ;
А хищникъ дерзкій и упорной
Стоялъ съ улыбкой непокорной
На неприступныхъ высотахъ:
Я помню, часто воинъ старый,
Воспоминалъ минувшихъ лѣтъ
Походы, битвы, громъ побѣдъ
И сильныхъ тяжкіе удары.
Не разъ съ почтеннаго чела
Онъ, гордо снявъ шеломъ тяжелой,
Съ восторгомъ юности веселой
Твои разсказывалъ дѣла:
Какъ ты, изторгнувъ мечь кровавой,
Противоставя смерти грудь,
Леталъ во слѣдъ за шумной славой,
И предъ дружиной величаво
Прокладывалъ къ побѣдамъ путь. —
Онъ говорилъ, и ратникъ юный,
Я нетерпеньемъ трепеталъ;

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Съ тобой, казалось мнѣ, перуны
Ябъ ринуть могъ въ ущелье скалъ;
Съ толпою хищниковъ сразиться. . . .
Съ тѣхъ поръ въ душѣ тебѣ дивиться
Я непримѣтно привыкалъ!

Далекихъ мѣстъ внемли преданью,
Склони ко мнѣ на время слухъ,
И робкаго пѣвца досугъ
Прими сердечной, слабой данью!

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ДАГЕСТАНСКАЯ УЗНИЦА.

I.

Кто видѣлъ тучные луга,
Жилище дикое свободы?
Тамъ Каспія сѣдаго воды
Кропятъ туманные брега.
Тамъ каждый носитъ мечь кровавый,
Не разъ зазубренный въ бояхъ;
И въ дѣтскихъ пріученъ годахъ
На быстрыхъ, какъ стрѣла, коняхъ
Летать во слѣдъ любви и славы.
Тамъ дѣвы легки, какъ *Джейранъ* (1);
Роскошенъ, прямъ ихъ тонкой станъ,
И свѣтелъ взоръ ихъ величавый. —
Тамъ силѣ первый даръ любви
Краса надменная вручаетъ;
Рукой, дымящейся въ крови,
Подругу воинъ обнимаетъ;
Но всѣми презрѣнъ и забытъ,
Въ набѣгахъ неискусный воинъ;
Онъ взора дѣвъ не удостоинъ,
Онъ самъ отъ взора ихъ бѣжитъ.
Въ ристаньяхъ чуждъ ему *Джиритъ* (2),

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Въ пирахъ ненужный, всюду мрачный,
Ему отрады въ жизни нѣтъ,
И на любезной поясъ брачный
Онъ никогда не разорветъ. —

Тамъ рѣдко путникъ беззаботной
Пройдетъ безпечно по горамъ,
И житель *Кента* (3) неохотно
Ночной порой проходитъ тамъ.
Пусть отточенъ кинжалъ булатный,
Стрѣла въ рукѣ его мѣтка,
Сильна безстрашная рука
И конь его проворенъ статный;
Но естьли позднею порой
Засядетъ хищникъ за горой,
И путнику погибель мщенья
Пошлетъ изъ мѣткаго ружья,
Не отразитъ его стремленья
Изъ колецъ сцѣпленныхъ броня. —
Къ чему тогда кинжалъ ужасный
И легкость вѣрнаго коня?
Въ ущельѣ горъ падетъ нещастный;
И вскорѣ безобразный трупъ,
Шакала (4) острый точитъ зубъ.

Любила тутъ, въ тиши угрюмой,
Младая дѣва отдыхать;

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Любила тутъ спокойной думой
Тоску сердечную питать.
Какъ часто съ утренней прохладой,
Съ печалью тихой на челѣ,
Она мечтала на скалѣ. —
Послѣдней тяжкою отрадой
Уединенье было ей,
Въ тиши ночной, вдали людей.

2.

Она давно забыла кровъ,
Пріютъ безпечный малолѣтства;
Предъ ней, какъ легкій призракъ сновъ,
Носилися мечтанья дѣтства.
Едва открыла юный взоръ,
Едва дохнула къ жизни новой
И вняла первый разговоръ,
И первое сказала слово,
Какъ вдругъ ее въ ущельѣ горъ
Увлекъ наѣздникъ — и младую,
Безжалостно въ страну чужую
На рабство отдалъ — —
Она росла въ странѣ далёкой;
Какъ лѣтомъ ландышъ одинокой, —
Палимый зноемъ межь степей; —
И вопль сиротъ, и звукъ цѣпей,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Вкругъ сирой дѣвы раздавался;
Нещастныхъ вопль согласовался
Съ ея печальною душей.

3.

Восторгъ любви, порывъ желаній;
О внятный сердцу страсти гласъ!
О прелесть тайная мечтаній!
Затворница узнала васъ.
Изъ странъ далекихъ возвратясь
Съ душею пылкой, съ думой страстной,
Гассана сынъ, Гирей прекрасной,
Увидѣлъ дѣву въ первый разъ;
И дѣва плѣнная, краснѣя,
Взглянула робко на Гирея,
И грудь желаньемъ поднялась. —
Чрезъ *Узденей* (5) о страсти новой
Гассанъ со гнѣвомъ узнаетъ:
Но тщетенъ гнѣвъ его суровой, —
Гирей любимъ; а въ двадцать лѣтъ
Сердецъ пылающихъ оковы
Какая сила разорветъ?

„Гирей! — такъ сыну онъ сердито
Сказалъ однажды, — позабудь,
И чья тебя питала грудь,
И домъ, и родъ твой знаменитой;

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Но вспомни то: *Джяура* (6) дочь
Взойдетъ на ложе Османлиса!
Видалъ ли кто, чтобъ день и ночь
Между собой когда слилися?
Воспомни власть твою и санъ;
Гирей! отъ твоего велѣнья
Трепещутъ: гордый Дагестанъ
И храбрыхъ Горцевъ поколѣнья,
А ты! . . . пророка страшенъ гнѣвъ!
Ты не войдешъ въ обитель дѣвъ,
Тебѣ не дунетъ вѣтръ прохладный,
И юныхъ Пери хоръ отрадный,
Лелеять слухъ не будетъ твой? —
Я молодъ былъ; я знаю страсти:
Люби; но не въ твоей ли власти
Всѣ чувства плѣнницы младой?
Пусть дѣва юная оставитъ
— — — — — —
Тогда Гассанъ ее объявитъ
Твоей подругой безъ препонъ;
А естьли нѣтъ, примолвилъ онъ;
Оставь надежду ты пустую,
Опять отца достоинъ будь,
Крѣпись и дѣву молодую
Навѣкъ покинь и позабудь!"

Пушкинский кабинет ИРЛИ

4.

Однажды: горы Дагестана
Дремали въ мракѣ тишины;
И свѣтъ трепещущей луны,
Блѣднѣя тускло сквозь тумана,
Рѣдѣлъ на пѣнистой рѣкѣ;
И грома тихаго раскаты
Гремѣли глухо вдалекѣ;
Съ вершины горъ орелъ пернатый
Смотрѣлъ на бурю гордо внизъ;
Съ утесовъ горніе потоки
Въ долину влажную лились. . . .
Тебяль я вижу, одинокій,
Задумчивый Гассана сынъ?
За чѣмъ печаленъ и одинъ,
Какъ привидѣнье полуночи?
Въ чертахъ его видна печаль;
Подъ черной буркой блещетъ сталь,
Туманенъ видъ, туманны очи
И дума скорби на челѣ.
Онъ молча подошелъ къ скалѣ,
Назадъ онъ бросилъ взглядъ прощальный,
Надвинулъ чорный свой *Башлыкъ* (7),
И стиснувъ въ сердцѣ вздохъ печальный,
Къ скалѣ нависнувшей приникъ. —
И долго, юный, безъ движенья

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Лежалъ безмолвленъ и унылъ;
Казалось: въ сердцѣ заключилъ, — —
Нѣмаго гнѣва скрытый пылъ,
И жажду лютаго отмщенья.
Онъ устремилъ недвижный взоръ
Крутой горы къ вершинѣ бѣлой;
Въ его глазахъ, природѣ цѣлой
Былъ видѣнъ буйственный укоръ.
Потомъ блеснулъ въ рукѣ мгновенно
Въ бояхъ зазубренный кинжалъ;
„Прости," отчаянный сказалъ.
И грома отзывъ отдаленный
Слова страдальца заглушалъ!

О дѣва плѣная! скорѣя
Лети въ объятія Гирея.
Она бѣжитъ, изъ смѣлыхъ рукъ
Беретъ кинжалъ его булатной;
Гирей знакомый слышитъ звукъ,
Внимаетъ сердцу голосъ внятной,
Пьетъ ласки плѣнницы младой,
— — — — — —
Уныло клонится главой.

5.

Прервавъ печальное молчанье,
Со вздохомъ тяжкимъ онъ сказалъ:
„Твое напрасно состраданье!

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Отдай булатный мой кинжалъ. —

— — — — — —

Храни суровый твой законъ,
Но трепещи! когда увяну,
Тогда безсиленъ будетъ онъ
Немолчной совѣсти укоры
Въ душѣ упорной заглушить. —
Когда туманъ одѣнетъ горы
И вѣтръ въ ущельѣ будетъ выть,
Услышишь гордая, блѣднѣя,
Ужасный укоризны гласъ;
И тѣнь кровавая Гирея
Къ тебѣ слетитъ въ полночный часъ.
Не умоляй ее напрасно!
Въ ней тщетно жалость не буди!
Тебя обвѣетъ хладъ ужасной;
Замретъ душа въ твоей груди,
И тѣнь моя съ твоею тѣнью
Сольется въ бурныхъ облакахъ!" . . . .

Умолкъ — и дѣву обнялъ страхъ;
Она внимала изступленью,
Читала смерть въ его глазахъ! —
„Твоя, твоя, вскричала дѣва,
Упавъ любовнику на грудь:
Смягчи, мой другъ, порывы гнѣва,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И скорбь минувшую забудь.
Живя: въ мечеть съ тобою вмѣстѣ
Введетъ покорную Гассанъ,
И тамъ Мулла твоей невѣстѣ
Прочтетъ молитву вашихъ странъ.
Мнѣль колебаться, другъ безцѣнный?
Твоя на вѣкъ!" — и обнаженный
Она отбросила кинжалъ. —
Гирей къ груди ее прижалъ,
И съ грудью грудь ея сольнулась,
Со вздохомъ слился вздохъ любви,
Она въ забвеньи улыбнулась:
Кипѣла страсть въ ея крови.

Шумѣла буря; съ силой новой
Въ ущельѣ рѣзкій вѣтръ свисталъ;
Потокъ ярился, гулъ громовой
Въ нависшихъ тучахъ грохоталъ.

6.

Заснулъ Аулъ, не спала дѣва
И звукомъ томнаго напѣва
Тоску сердечную гнала:
Въ близи горящаго *Манеала* (8)
Гирея вѣрнаго ждала;
Желанье тайно въ ней пылало,
Къ блаженству юную влекло

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И дѣвы скромное чело
Румянцемъ яркимъ покрывало.

Но кто одинъ, въ тиши ночной,
Закутанъ буркою, украдкой,
Подходитъ къ плѣнницѣ младой?
Она вздрогнула: голосъ сладкой
Давно душѣ ея знакомъ.
Но какъ онъ могъ пройти тайкомъ?
Иль дерзкій обманулъ онъ сонныхъ,
Гарема стражей непреклонныхъ?
Но ревность тощая не спитъ;
И кто онъ самъ?
Аулъ молчитъ,
Никто шаговъ его не слышитъ;
Быть можетъ, въ немъ убійца скрытъ,
Быть можетъ, злобой тайно дышетъ?
Ктожъ сильный дѣву защититъ?
Вошелъ. . . . „Гирей! О другъ любимый,
Вскричала плѣнница: приди!
Огонь любви непостижимый
Пылаетъ въ дѣвственной груди!
Садись, Гирей! башлыкъ напрасный
И бурку сбрось съ себя скорѣй;
Люблю тебя, мой другъ прекрасный!
Что въ жизни безъ любви твоей?

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Люблю тебя; твой видъ пріятный
Милѣе для моей души,
Чѣмъ путнику потокъ прохладный,
Гостепріимства дымъ отрадный
И роза пышная въ глуши!
Ахъ! плѣнница въ чужбинѣ дальной,
Тобой дышу, тобой живу,
Твой образъ въ снѣ и на яву,
Отрада, щастье для печальной.
Не покидай меня, Гирей!
Покинешь, бѣдная увяну,
Какъ въ осень слабый цвѣтъ полей.
Люби меня, рабой твоей
Тебѣ служить я всюду стану.
Я буду мысль твою ловить;
Во взорахъ постигать желанье,
И грусть сердечную дѣлить:
Я съ устъ твоихъ очарованье
Струей роскошной буду пить!
Въ цѣпяхъ, раба отъ малолѣтства
Не знаю щастья, знаю бѣдства
И горе въ чуждой сторонѣ!
Доселѣ въ хладной тишинѣ
Безъ чувствъ, душа моя дремала
Спокойно: ты предсталъ ко мнѣ,
Гирей; я вся затрепетала. —

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О милый другъ! съ тѣхъ самыхъ поръ,
Какъ ты изъ дальнихъ *Чорныхъ горъ* (9)
Покрытый славой, возвратился;
Твоя осанка, поступь, взоръ,
Ты самъ, Гирей, мнѣ вѣчно снился.
Съ тѣхъ поръ, какъ ты вездѣ со мной,
Вездѣ мой спутникъ неразлучной,
Я знаю грусть; но жизни скучной
Простилась съ темной простотой. —
О! будь мнѣ другомъ и защитой;
Люби, не для тебя ли мной
Дѣвичій стыдъ и край родной,
Законъ отцевъ и все забыто!
Не для тебяль?" . . .
Но что пресѣчь
Могло невинной дѣвы рѣчь?
Не грома трескъ, не вѣтеръ шумной,
Не ревъ съ горы текущихъ водъ,
Не стража скучнаго приходъ,
Не громкій смѣхъ *рабы безумной* (*)
И не оружій страшный звукъ;
— — — — — — —
— — — — — — —
— — — — — — —

(*) Богатые жители Азіи, имѣютъ обыкновеніе держать въ домахъ своихъ нещастныхъ, лишившихся разума. — Жалкое безуміе оныхъ тѣшитъ ихъ праздность. —

Пушкинский кабинет ИРЛИ

7.

Прояснѣлъ день: — упоена

— — — — — — —

(Тогда прелестной дѣвы очи
Не прохлаждала свѣжесть сна.)
Она разсѣянна, блѣдна
Пришла къ скалѣ уединенной;
Легла, заснула; сонъ волшебной
Лелеялъ отдыхъ красоты. —
Прелестно дѣвы сновидѣнье,
Когда роскошныя мечты
Твердятъ о прошломъ наслажденьѣ.

8.

Проснулась плѣнница; предъ ней
Почтенный старецъ. — До грудей
Лежитъ брада его сѣдая;
Во взорахъ кротость, грустенъ видъ;
На старца дѣва молодая
Съ почтеньемъ смотритъ и молчитъ.

Онъ началъ такъ: „Скажи, отколѣ
Раба, томимая въ неволѣ,
Тебя похитилъ лютый врагъ?
Откройся мнѣ; я самъ въ цѣпяхъ;
Я знаю опытомъ ужаснымъ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Въ чужбинѣ тяжко ихъ влачить,
Но сладко, сладко двумъ нещастнымъ
Тоску сердечную дѣлить. "

— Ахъ, старецъ добрый! я не знаю
Отца, ни матери моей;
Давно чужда родному краю;
Осиротѣвъ отъ юныхъ дней,
Взросла въ плѣну чужимъ стараньемъ;
Знакома съ грустью и страданьемъ,
Привыкла къ гордости людей! —
Садись старикъ. — Твое участье
Такъ драгоцѣнно для меня,
Какъ вѣшняго прохлада дня,
Какъ солнце красное въ ненастьѣ,
Какъ съ другомъ нѣжный разговоръ. —

„Взгляни, какъ видъ туманенъ горъ:
Но ихъ хребетъ собой скрываетъ
Моей отчизны край родной;
Тамъ Терекъ шумный протекаетъ;
Тамъ отжилъ вѣкъ я молодой. —
Въ мое жилище вторглись силой
Толпы рушителей враговъ;
Я видѣлъ смерть подруги милой
И язвы двухъ моихъ сыновъ;
И дочь, младенца въ колыбели,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

У алчныхъ хищниковъ въ рукахъ. . . .
Затмился день въ моихъ глазахъ,
Я палъ, и цѣпи загремѣли.
Съ тѣхъ поръ какъ тѣнь брожу въ горахъ,
Несусь мечтой къ родному краю,
И землю чуждую въ цѣпяхъ
Слезами горко орошаю!"

Такъ старецъ выражалъ печаль,
Такъ юной дѣвѣ открывался.
Онъ мысленно стремился въ даль,
Гдѣ прежде щастьемъ наслаждался;
И въ душу плѣнницы тоска
Отъ словъ его перелилася;
Вкругъ шеи старца обвилася
Ея прелестная рука.

— Не плачь, старикъ! проходитъ горе;
Пройдетъ оно. Быть можетъ вскорѣ,
Услышитъ Богъ твою мольбу.
Ты видишь бѣдную рабу
Въ цѣпяхъ владѣльца Дагестана:
Настанетъ день, и дочь Гассана —
Я облегчу твою судьбу. —
Супруга обниму колѣна,
Паду къ ногамъ его съ мольбой;
Онъ злато дастъ за выкупъ плѣна.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Онъ возвратитъ тебѣ покой.
Тогда свободный и щастливый,
Къ твоимъ друзьямъ къ странѣ родной
Направишь путь нетерпѣливый.
Увидишь дѣтства мирный кровъ;
Страданья, слезы, звукъ оковъ,
Въ покоѣ сладкомъ позабудешь,
И о минувшемъ думать будешь
Какъ о мечтаньѣ тяжкихъ сновъ.
Но не отринь мое моленье
И слабость сердца не вини,
Не проклинай за заблужденье,
Во внутрь души моей взгляни.
Я дѣва бѣдная, въ чужбинѣ
Взросла печальной сиротой:
Какъ безъ росы цвѣтокъ въ пустынѣ,
Такъ вянулъ вѣкъ мой молодой.
Теперь люблю, любима страстно. . . .
Возми сей крестъ, старикъ нещастной;
Возми, я отреклась креста!
Когда придешь страны желанной
Въ благословенныя мѣста,
Сними его: по немъ случайно,
Быть можетъ, мать мою найдешь;
Ты слезы скорбной оботрешь,
Ты скажешь ей: не плачь напрасно,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О недостойной и нещастной!
Она въ горахъ забыла стыдъ,
Тебя, законъ, страну отчизны. . . .
Пускай отступница влачитъ
Въ мученьѣ зломъ остатокъ жизни! —
И старцу крестъ она даритъ;
Онъ взялъ, содрогся; изумленной,
Остановилъ на дѣвѣ взоръ:
Восторгъ, отчаянье, укоръ,
Въ его глазахъ попеременно.
Уста сомкнулись, страшенъ видъ;
Онъ блѣденъ, старецъ, онъ дрожитъ,
Какъ извергъ, къ казни осужденный. —

„Ты дочь моя! я вижу крестъ,
Я узнаю сей даръ священный!“

9.

Безмолвенъ Кентъ: съ нагорныхъ мѣстъ
Лежатъ грядой ночныя тѣни;
Плыветъ печальная луна,
Но плѣнница не знаетъ сна;
Чужда ей роскошь томной лѣни.
Поблекъ румяный цвѣтъ ланитъ,
Не ровно сердца трепетанье.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Прервавъ тяжелое молчанье,
Со вздохомъ дѣва говоритъ:

— Бѣжать! куда? въ предѣлъ далекой?
Платить измѣной за любовь?
Ахъ, лучше бы, отецъ жестокой
Съ тобой я не встрѣчалась вновь!
Какъ! дочь безумная? жалѣю?
Нѣтъ, старецъ, нѣтъ! бѣгу съ тобой. . . .
Но вдругъ достигнетъ слухъ къ Гирею
О бѣгствѣ плѣнницы младой!
Что скажетъ онъ? стрѣлой громовой
Его сразитъ такая вѣсть.
Нѣтъ! силы нѣтъ любовь принесть
На жертву должности суровой;
Останусь. — Старецъ! но съ тобой
Что будетъ здѣсь въ странѣ чужой?
Падетъ въ цѣпяхъ, какъ рабъ нещастный,
Проклятьемъ дочь обременитъ,
И мщенья неба громъ ужасный
За смерть страдальца отомститъ! —

10.

За чѣмъ сей юный рабъ украдкой
Ведетъ осѣдланныхъ коней?
Конечно онъ съ надеждой сладкой

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Къ любезной крадется своей.
Нѣтъ: молча рабъ къ скалѣ угрюмой,
Колеблясь, направляетъ путь:
Онъ, видно, тяжкой занятъ думой,
Тоска души волнуетъ грудь.
Пришелъ, вздохнулъ, потомъ трикратно
Рукой условный подалъ знакъ;
Трикраты пробѣжалъ въ горахъ:
Отвѣта отзывъ непонятной. —
Чуть слышенъ шорохъ на скалѣ,
И кто-то тамъ мелькнулъ во мглѣ,
Сошелъ, пронесся тихій шопотъ,
Уздечки брякнули въ рукахъ,
И коней быстрыхъ мѣрный топотъ
Уныло вторился въ горахъ.

* * *

Прошли года. — Судьбой гонимой,
Я видѣлъ южный Дагестанъ;
Но мыслью изъ далекихъ странъ
Перелеталъ къ странѣ любимой;
Бродилъ, питалъ себя тоской,
Любилъ красу природы дикой,
И дѣвъ роскошныхъ красотой,
И храбрыхъ Горцевъ духъ великой.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Не разъ въ ночныхъ разсказахъ тамъ
Дивился прошлымъ ихъ дѣламъ,
И слышалъ самъ изъ устъ *Чабана* (10)
Печальной истины разсказъ.

Однажды, какъ въ парахъ тумана
Еще лучь солнца не погасъ,
Два Горца тамъ, въ долинѣ ровной
Пасли осѣдланныхъ коней...
Одинъ во цвѣтѣ юныхъ дней,
Другой былъ въ старости преклонной.
Ихъ безпокойный, робкій взглядъ
Былъ часто обращенъ назадъ;
Какъ вдругъ, смотрю, изъ-за кургана
Стрѣлою мчится сынъ Гассана.
„Ты здѣсь, раба!“ воскликнулъ онъ,
Грозой на Горцевъ устремился. . . .
Я оробѣлъ, за камень скрылся;
Потомъ услышалъ тихій стонъ,
Послѣдней жизни ропотъ томной,
Молящій тихій гласъ жены;
Потомъ — все смолкло; и спокойно
Побрелъ я къ хижинѣ укромной
Въ пріютъ безпечной тишины.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Джейранъ.* Дикая коза, чрезвычайно легкая.

2) *Джиритъ.* Палка, употребляемая Азіятцами въ играхъ и скачкахъ. Они бросаютъ ее, подхватываютъ и вновь отбрасываютъ съ непонятною ловкостію.

3) *Кентъ.* Городъ или большая деревня.

4) *Шакалъ.* Родъ лисицы. Шакалы или Чекалки ходятъ обыкновенно стаями: мертвыя тѣла, ихъ любимая пища.

5) *Узденъ.* Дворянинъ, принадлежащій другому сильнѣйшему дворянину или Князю.

6) *Гяуръ* или *Джяуръ.* Невѣрный. Симъ названіемъ пользуются народы, не исповѣдующіе Магометанскую вѣру.

7) *Башлыкъ.* Родъ суконнаго колпака съ длинными концами; въ дождливую погоду ничего не можетъ быть спасительнѣе. Когда Дагестанецъ ѣдетъ на добычу, или предпринимаетъ отчаянное дѣло, то надѣваетъ башлыкъ. Естьли кто встрѣчаетъ всадника, у котораго все лице закутано башлыкомъ, то угадываетъ причину его путешествія и не смѣетъ перебивать дороги.

8) *Мангалъ.* Глиняный сосудъ, наполняемый жаромъ, около котораго Азіятцы грѣются въ холодное время.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

9) *Чорныя горы.* Хребетъ, простирающійся отъ Терека до снѣжныхъ горъ называется Чорнымъ: его населяютъ многія поколѣнія народовъ, изъ коихъ извѣстнѣе и страшнѣе прочихъ *Чеченцы.* Убійцы, разбойники, бѣглецы, положили основаніе сему народу. Грабежъ, — ихъ промыслъ; убійство, — ихъ достоинство. Плыветъ ли ледъ по Тереку, волнуетъ ли порывистый вѣтеръ бурныя его волны; Чеченецъ, сложивъ въ кожаный мѣшокъ разобранное ружье свое и туго завязавъ оный около дула, кидается въ воду, переплываетъ рѣку и, на другой сторонѣ, притаясь въ кустахъ, ожидаетъ неосторожнаго путника. Злобный нравъ и отчужденіе всѣхъ добродѣтелей дѣлаютъ ихъ ужасомъ окрестныхъ народовъ. Отцеубійство почитается у нихъ хотя не одобренія, по крайней мѣрѣ извиненія достойнымъ поступкомъ. Я видѣлъ Чеченца, убившаго отца своего за то, что послѣдній отказалъ ему въ своей трубкѣ. — Но оружіе Рускихъ почти совершенно положило предѣлъ необузданному ихъ звѣрству: — теперь, подобно хищнымъ волкамъ, скрываются они въ своихъ ущельяхъ и тамъ трепещутъ отъ страха при одномъ имени Генерала Ермолова.

10) *Чабанъ.* Пастухъ.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Н. Т. АКСАКОВУ.

(Изъ Тифлиса.)

Я видѣлъ Куръ: онъ катитъ воды
Подъ тѣнью виноградныхъ лозъ;
Я былъ въ странѣ отчизнѣ розъ,
Обильной прелестьми природы.
Тамъ чистъ и ясенъ небосклонъ;
Тамъ рдѣетъ пышный Анемонъ,
Чинаръ гордится красотою;
И путника во время зною
Душистый персикъ и лимонъ
Манятъ къ забвенью и покою.

Я дѣвъ прелестныхъ видѣлъ тамъ:
Ихъ бѣгъ былъ легкій бѣгъ Джейрана;
Спускалась дымка по грудямъ
Съ лица до стройнаго ихъ стана. —
Онѣ пышнѣй Гиланскихъ розъ,
Пріятнѣй сладкаго шербета!
Не такъ любезенъ въ полдень лѣта
Для нимфъ прохладный токъ Гаета
И страстныхъ *Гурій* нѣжный взоръ;
Всегда привѣтный, вѣчно юный,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Небесныхъ *Пери* звучный хоръ,
И *Сади* ропщущія струны.

И я не разъ съ невинныхъ дѣвъ
Срывалъ рукой нетерпѣливой
Покровъ досадный и ревнивой,
И взоровъ ихъ притворный гнѣвъ
Тушилъ подъ пальмой молчаливой! —

Но гдѣ жъ отчизны край родной?
Гдѣ хата дымная подъ снѣгомъ?
Когда жъ помчусь я быстрымъ бѣгомъ
Къ твоей груди, товарищь мой?
И дружнюю сжимая руку,
Когда жъ я позабуду скуку
Съ тобой за чашей круговой?

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ОСМАНЪ.

Османъ! почто одинъ безмолвный и угрюмой
Твой скорби полный взглядъ съ холма вперяешь въ даль?
Почто орлиный взглядъ подернутъ тяжкой думой,
И празденъ твой колчанъ, и пыль покрыла сталь?

Османъ! ты страшенъ былъ врагамъ въ пылу сраженій,
Когда твой острый мечь, предвѣстникъ лютыхъ бѣдъ,
Какъ язва лютая, какъ разрушитель Геній,
По трупамъ пролагалъ побѣды славный слѣдъ! —
Ты грозенъ былъ, Османъ, когда на холмъ высокій
Съ дружиной устремясь, Симунъ въ полетѣ зломъ
Въ крови твоихъ враговъ, багрилъ кинжалъ широкій;
Но сброся острый мечь и тяжкій снявъ шеломъ,
Ты былъ краса пировъ, Османъ голубоокій!
Я помню юныхъ дѣвъ; ихъ неподвижный взоръ,
Въ пирахъ къ тебѣ, Османъ, невольно устремлялся,
Въ движеньяхъ, въ ихъ очахъ, огнь страсти прорывался
Желанья тайнаго понятный разговоръ. —

Почтожъ, Османъ одинъ, безмолвный и угрюмой,
Твой скорби полный взглядъ съ холма вперяешь въ даль?

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Почто орлиный взглядъ подернутъ тяжкой думой,
И празденъ твой колчанъ, и пыль покрыла сталь?

Что вижу? твой гаремъ вокругъ объемлетъ пламя,
Твердыни погребли позоръ любимыхъ женъ;
О ужасъ! надъ луной взвѣваетъ вражье знамя,
Народъ погибъ мечемъ, вожди познали плѣнъ. —

Рогдай! къ побѣдамъ вновь твоей дружины смѣлой,
Предтечей гибели не поведетъ Османъ;
Погибнетъ въ праздности твой конь осиротѣлой,
Източитъ ржавчина звенящій твой колчанъ;
И дѣва роскоши, съ привѣтливой улыбкой,
Твой станъ, твой легкій станъ, обнявъ рукою гибкой,
Не поднесетъ къ устамъ дымящійся кальянъ.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ТАИСѢ.

Взгляни, о Таиса!
Какъ съ вѣтвями вѣтви обнявшись сплелися;
Какъ радостно плещетъ волна за волной
И голубь голубкой ласкаемъ.
Таиса, Таиса! одни ли съ тобой
Мы щастья любви не узнаемъ?
Одинъ ли тобой презираемъ,
Завяну какъ цвѣтъ полевой,
Полуденнымъ жаромъ въ степи сожигаемъ? —
О дѣва! за тѣмъ ли природа дала
Тебѣ, и строенье роскошное стана,
И Гуріи томность, и легкость Джейрана,
И свѣжесть младаго чела;
Иль вѣчно любови чуждаться ты станешь?
Иль ты позабыла, краса,
Что съ розою вмѣстѣ увянешь?
Доколѣ яснѣютъ вѣсной небеса,
Алѣетъ душистая роза;
Цвѣтокъ истребляетъ дыханье мороза,
А старости хладной ужасна коса
Для дѣвы прелестной. —
Послушайся друга! стезей неизвѣстной

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Руками сплетяся, въ душистыхъ вѣнкахъ
Ко храму безсмертья съ тобой понесемся;
Другъ къ другу прилипнемъ, сольемся,
Какъ волны ручья въ берегахъ! —

Но взоръ твой печаленъ, Таиса?
Но ты потупляешь глаза?
На длинныхъ рѣсницахъ повисла слеза,
И щеки пылая зажглися!
И сжатая мною, трепещетъ рука;
И дымку колеблетъ слегка
Невольное груди дыханье:
Понятно, понятно руки трепетанье
И алый румянецъ стыдливыхъ ланитъ!
Не бойся: никто насъ не слышитъ;
То вѣтеръ листами колышитъ,
Тростникъ потрясенный звенитъ;
То горлица съ другомъ обнявшися, дышетъ. —

. . . . . .

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЕМЪ ИЗЪ ГРУЗІИ.

Ты непремѣнно хочешь, другъ мой, чтобъ я описалъ тебѣ худо или хорошо мою поѣздку въ *полуденную Сибирь*; такъ угодно тебѣ называть Грузію. — Съ удовольствіемъ исполняю твое желаніе. Но не жди отъ меня ни Статистическихъ замѣчаній, ни подробнаго описанія торговли, землепашества и проч. Все это тебѣ слишкомъ извѣстно. Раскрой любую Географію, возми новую Статистику нашего Государства, и я буду избавленъ отъ труда повторять давно уже всѣмъ извѣстное.

Начнемъ съ того времени:

Когда въ послѣдній разъ
Шлагбаумъ загремѣлъ цѣпями,
И понесла къ *рогаткѣ* насъ
Повозка съ борзыми конями!
Гдѣ въ скучный разставанья часъ;
Готовясь въ путь тяжелый дальній,
Я завтракъ заказалъ прощальный.

Помнишь ли, другъ мой, съ какимъ чувствомъ прощался я тогда съ тобою и съ прочими товарищами прежнихъ радостей? Помнишь ли, какъ вы всѣ наперерывъ старались пожимать мнѣ руку? Тогда, не смотря на притворное ваше хладнокровіе, я видѣлъ ясно, что вы

Пушкинский кабинет ИРЛИ

прощались со мною какъ бы на вѣки. — Ты ѣдешь въ Грузію, говорилъ мнѣ добрый * * *! тяжела дорога, тяжелъ климатъ, но тяжелѣе еще, милый братъ, будетъ для тебя отдаленіе отъ людей, которыхъ ты любить привыкъ и которые тебя любить привыкли. — Выпьемъ, подхватилъ рѣзвый Ч * * *, выпьемъ за здоровье оставляющаго насъ товарища. Пусть дни его будутъ свѣтлы, какъ Шампанское въ этомъ стаканѣ. — Выпили, и я хотѣлъ благодарить васъ.

Но чтожъ? едва, друзья мои,
Въ стаканѣ шумное *аи*
Заискрилось кипящей пѣной;
Тяжелый вздохъ непринужденной
Изъ груди вырвался; и вдругъ
Вашъ твердый, неслезливый другъ
Слезой, въ глазахъ его дрожащей,
Взмутилъ стаканъ, виномъ кипящій. . . .
Потомъ, стыдясь невольныхъ слезъ,
Рукой я смѣлой чашу взнесъ,
И осуша ее трикраты,
Вздохнулъ о щастьѣ прежнихъ дней,
И тѣмъ почтилъ моихъ друзей
И васъ, хранители Пенаты!

Еще разъ обнялись мы — и вдругъ сиповатый голосъ моего Аргуса Иванова закричалъ: *пошолъ!* Я оглянулся назадъ и въ облакахъ пыли, поднявшейся за колесами,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

едва уже могъ видѣть, какъ ты махалъ бѣлымъ твоимъ султаномъ въ знакъ долгой, а можетъ быть и вѣчной разлуки.

Печальны были мои мысли, голова моя кружилась; я ничего не видалъ около себя, ничего не слышалъ. И кто бы на моемъ мѣстѣ былъ хладнокровнѣе? О если бъ я ѣхалъ путешествовать для того, чтобъ, возвратясь на родину, раскрасить все мною видѣнное цвѣтами собственнаго воображенія; разсказывать о томъ, чего вовсе не было, и подобно нашимъ Іорикамъ, описывать каждую лужу кристалловиднымъ, тихо-колеблющимся озеромъ — каждый мужицкій домъ щастливой хижиной Палемона и Вавкиды; и наконецъ на каждомъ шагу

Ронять, какъ новый Стернъ,

Жемчужную слезу на шелковичный дернъ:

то я былъ бы покоенъ. На хорошей, нетряской повозкѣ ѣдучи шагомъ, а гдѣ вздумается, рысью, разсматривалъ бы я красы или ужасы природы, и всегда бы вертѣлась въ головѣ моей мысль: *ты свободенъ возвратиться, когда захочешь.* Но путешествовать на быстрыхъ фельдъегерскихъ коняхъ, безъ малѣйшаго желанія путешествовать и не знать, когда возвратишься подъ сѣнь родимой кровли, даже не имѣть къ тому ни малѣйшей надежды — это слишкомъ жестоко!

Не буду тебѣ дѣлать никакого описанія тѣхъ городовъ, чрезъ которые я не проѣхалъ, но промчался. Ни въ одномъ изъ нихъ, кромѣ Москвы, до самаго центра

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Кавказской линіи я не останавливался болѣе часу, и ни въ одномъ не видалъ ничего, кромѣ почтовыхъ домовъ и станціонныхъ Смотрителей.

Трудно, не возможно было бы описать тебѣ чувства взволновавшія грудь мою, когда, на третьи сутки послѣ моего отъѣзда, первые лучи солнечные засверкали на золотыхъ верхахъ башенъ древней Столицы; столицы, гдѣ нѣкогда царствовало изобиліе съ роскошью; столицы, колыбели духа Рускаго и любви къ Отечеству. — Тутъ, думалъ я, возникъ свѣтъ просвѣщенія, столь быстро разлившійся по Россіи: тутъ *Мининъ* и съ одра болѣзни привставшій, слабый тѣломъ, но крѣпкій духомъ и твердостью *Пожарскій*, съ горстью согражданъ ринулись въ толпы хищниковъ и вмѣстѣ съ знаменами ихъ внесли обратно въ Москву свободу и благоденствіе. Но когда я вспомнилъ, что недавно опять ужасъ и опустошеніе въ ней царствовали; когда представились моему воображенію оскверненные храмы, дѣвы поруганныя и Москва, объятая пламенемъ: я содрогся, и румянецъ негодованія заигралъ на лицѣ моемъ.

Остановясь въ трактирѣ у Баца, спѣшилъ я запереться въ уединенную комнату, чтобы хоть немного отдохнуть; но сонъ отъ меня бѣжалъ, и мечты увлекли къ любезнымъ моему сердцу. — Большая часть изъ нихъ представляла мнѣ пріятныя минуты, которыя проводилъ я въ кругу откровенныхъ пріятелей. — Помнишь ли, другъ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

мой, какъ въ холодный зимній вечеръ, когда окна наши индивѣли отъ стужи и рѣзкій вѣтеръ заставлялъ ставни скрыпѣть на ихъ петляхъ, мы спокойно придвигали стулья наши къ яркому камельку, съ сухою пылающею березою? Ты дѣлалъ меня повѣреннымъ и разсказывалъ о своихъ подвигахъ съ довольною, даже иногда гордою улыбкою. — Какое щастіе, сказалъ ты мнѣ однажды, какое щастіе быть любиму той, которую любишь! Какъ сладко находить въ глазахъ обожаемой женщины тотъ же огонь, которымъ и самъ пылаешь! — Такъ ты любишь не нашутку? спросилъ я тебя. — „Какой вопросъ! люблю ли? я обожаю.“ — Положимъ, что ты увѣренъ и въ ея къ тебѣ привязанности; но что поручится тебѣ за ея вѣрность? можетъ быть завтра же отдастъ она другому щастливцу ту руку, которую сегодни позволяла осыпать тебѣ страстными поцѣлуями. Можетъ быть то, что ты считаешь въ ней любовію, не что иное, какъ сродное всякой женщинѣ тщеславіе, видѣть у ногъ своихъ ползающихъ плѣнниковъ. — Повѣрь мнѣ: я тебя опытнѣе, и меня не разъ обманывали; и я не всегда затыкалъ уши, чтобъ не слышать пѣніе Сирены. — Но опытъ и разсудокъ изтребили пагубную легковѣрность. Быть зрителемъ несравненно пріятнѣе, нежели актеромъ. Какъ спокойно смотрю я съ берега на бурю и воспоминаю то время, когда и я также плавалъ на лодочкѣ, и волны кидали меня въ правую и лѣвую сторону! — Такъ говорилъ я тебѣ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

а ты съ неудовольствіемъ со мною простился. — Но что жъ? чрезъ два дни ты вбѣжалъ въ мою комнату, обнялъ меня и признался, что любовь безъ опытности не есть любовь, но заблужденіе ослѣпленнаго воображенія. — Съ тѣхъ поръ мы простились съ платоническою любовію, разрушили всѣ волшебные замки, и Вертеръ полетѣлъ за окошко. — Съ тѣхъ поръ снова подружились мы съ Гораціемъ, съ Боало охуждали пороки, съ Парни нѣжились въ объятіяхъ сладострастія, съ Гомеромъ взносились на вершину Иды. — Тогда

И гнѣвъ Агамемнона
И пылкій Ахиллесъ,
Ревнивая Юнона
И царь боговъ, Зевесъ;
Поколебавшій небо
Трясеніемъ брады,
И молодая Гебо
И райскіе сады,
Гдѣ яблоки златыя
Три дѣвы молодыя
Не знали какъ сберечь;
И Ахиллесовъ мечь,
Шеломъ его пернатый,
И невредимы латы
Отъ коней и мечей;
Искусною рукою

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Съ Кипридой молодою
Запутанный Арей:
Все представлялось живо,
О другъ любезный намъ!
Съ Енеемъ мы щастливо
Летѣли къ берегамъ,
Гдѣ пылкая Дидона
Владыку Иліона,
Какъ друга, приняла,
Ему и честь, и славу,
И сердце, и державу,
И руку отдала.
И мы рыдали съ нею,
Когда во слѣдъ Енею
Оставленная имъ,
То сердце, чѣмъ любила,
Дидона поразила
Кинжаломъ роковымъ!
Съ Овидіемъ чудеснымъ
Забывши смертныхъ родъ,
Мы къ жителямъ небеснымъ
Мѣшались въ хороводъ;
И на Олимпъ высокой
Съ фантазіей взлетя
Венеры черноокой,
Лелеяли дитя.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Тамъ, гордыми очами
Окинувъ здѣшній міръ,
Садились мы съ богами
За ихъ веселый пиръ,
Гдѣ бѣлыми руками,
Лилъ въ чашу свѣтлый медъ
Прелестный Ганимедъ! —

На разсвѣтѣ я простился съ Москвою, и въ теченіи семи дней Тула, Воронежъ и Черкаскъ промелькали въ глазахъ моихъ бѣлыми своими строеніями. 19 го Мая былъ я уже на грязной улицѣ главнаго города Кавказской линіи, Георгіевска. Городъ самъ по себѣ не стоитъ нималѣйшаго вниманія, но занимателенъ для человѣка рожденнаго на Сѣверѣ. Тутъ изчезаетъ почти все Европейское. На улицахъ и около лавокъ толпятся люди въ маскерадныхъ костюмахъ.

Черкезъ, Бештовыхъ житель горъ;
Его орлиный страшенъ взоръ;
Колчанъ съ пернатами стрѣлами
Звучитъ за мощными плечами,
Ружье, кинжалъ и лукъ тугой
Натянутъ звонкой тетивой,
И чорный усъ колечкомъ вьется,
И конь подъ нимъ, какъ вихрь, несется;
А тамъ природы бѣдный сынъ,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Полунагій, но злобный вѣчно,
И вѣчно хищный Асетинъ
Гроза невинности безпечной.

Грузины, Армяне, Нагайцы, эти нещастные потомки воиновъ нѣкогда страшнаго Чингисъ-Хана и множество другихъ народовъ, населяющихъ Дагестанъ и вообще всю Азію, составляютъ чудесную пестроту для глазъ Европейца. Ходя по Георгіевску, довольно рѣдко слышишь Рускій языкъ, потому что кромѣ военнослужащихъ вовсе нѣтъ Рускихъ, и Татарскій языкъ, такъ сказать, господствующій. Перемѣнивъ лошадей, мы поѣхали въ Моздокъ, стоящій на берегу Терека. Долго я любовался прелестною картиною, открывшеюся предо мною. — Граница, самою природою между Европой и Азіей проложенная, хребетъ Кавказскихъ горъ, возвышается величественнымъ амфитеатромъ за Терекомъ верстахъ во ста отъ Моздока. Снѣжныя вершины его сливаются съ облаками; черныя тучи покрываютъ поверхность, и не рѣдко изъ-подъ ужасныхъ глыбъ снѣга разражаются громы и блестятъ молніи. — Чрезъ вершины сихъ страшныхъ и нѣкогда непроходимыхъ горъ проложена Рускими дорога въ Грузію, съ тѣхъ поръ, какъ угодно было Царю Ираклію призвать войска наши для защиты земли своей отъ утѣснявшихъ ее Персіянъ. — Съ ужасомъ и нетерпѣніемъ ожидалъ я той минуты, когда скажу: *и я на вершинѣ Кавказа!* какъ вдругъ Ивановъ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

прервалъ мои мечтанія, сказавъ, что мы теперь еще не поѣдемъ въ Грузію, а влѣво по Тереку до станицы Червленной, гдѣ имѣетъ повелѣніе представить меня Генералу Ермолову. . . . .

Отъ Моздока до Кизляра есть почтовая дорога, но она лежитъ въ сторонѣ; а ѣхавши на Червленную станицу, должно брать обывательскихъ. У воротъ нашего дома стоялъ какой-то ящикъ длинный, высокій, на двухъ скрыпучихъ колесахъ; человѣкъ, одѣтый совершенно по Черкезски, правилъ парою коней. — Съ удивленіемъ сѣлъ я на такой экипажъ, какого я не видывалъ съ роду и который, казалось мнѣ, несравненно удобнѣе для возки дровъ, нежели человѣка.

Между Кизляромъ и Моздокомъ поселены три рода Козаковъ: *Моздоцкіе*, *Гребенскіе* и *Терское* Козачье войско, состоящее изъ 70 человѣкъ. Изъ всѣхъ ихъ достойнѣе примѣчанія Козаки *Гребенскіе*. — Въ послѣдствіи времени часто бывъ въ ихъ станицахъ, имѣлъ я случай довольно близко разсмотрѣть ихъ. Хочешь ли, любезный другъ, знать ихъ родословную? сколько могъ узнать по изустнымъ преданіямъ, столько и разскажу тебѣ. —

Когда Ермакъ прежде покоренія Сибири разбойничалъ съ своею шайкою въ степяхъ, между Дономъ и Терекомъ лежащихъ, отдѣлился отъ него, не знаю почему, но должно думать, по личнымъ неудовольствіямъ одинъ изъ его товарищей, по имени Андрей; съ Козаками, къ нему при-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ставшими, пошелъ онъ прямо къ Тереку, переправился чрезъ него и верстахъ въ 50 основалъ и понынѣ существующую деревню Андреевскую (Ендрей-Юртъ). Необходимость принудила новопоселившихся искать дружбы окружавшихъ ихъ Татаръ. Тѣсную связь между ними укрѣпили Татарки, которыхъ Козаки за себя брали. Между тѣмъ Андрей умеръ; на мѣсто его былъ выбранъ другой начальникъ, и дѣла шли по прежнему до тѣхъ поръ, какъ пахатныя мѣста сдѣлались причиною раздора между жителями Андреевскими и ихъ сосѣдами. Первые были слабѣе, послѣдніе притѣсняли ихъ, и притѣсняли до того, что Козаки принуждены были оставить домы свои во власть сильныхъ непріятелей, и удалясь поселиться по хребту Черныхъ горъ, *Гребнемъ* называемыхъ. — Здѣсь они жили иногда мирно съ Чеченцами, новыми своими сосѣдами, иногда кинжалъ и ружье рѣшали ихъ споры. Когда же идучи въ Дербентъ, Петръ Великій основалъ Кизляръ, то объявя и симъ, нѣкогда мятежнымъ Козакамъ, милостивое прощеніе, вывелъ ихъ съ *Гребня*, поселилъ на лѣвомъ берегу Терека и назвалъ *Гребенскими* Козаками. Странно, почти не вѣроятно, что въ продолженіи толь долгаго времени, живя почти совершенно отдѣльно отъ своихъ единоземцевъ, среди Татаръ, и тѣснымъ родствомъ съ ними связанные, *Гребенскіе* Козаки сохранили до сихъ поръ въ полной мѣрѣ не токмо древніе нравы Рускіе, не одну слѣпую довѣренность къ вѣрѣ предковъ, но даже и самые

Пушкинский кабинет ИРЛИ

предразсудки. Они всѣ безъ изъятія старовѣры и отличаются отъ прочихъ Козаковъ какою-то явною ненавистію къ *мірскимъ людямъ*; такъ называютъ они Христіянъ *нераскольниковъ*.

До сихъ поръ управлялись они Атаманами, ими самими, изъ нихъ же самихъ выбираемыми. Атаманы, почти всегда старые и слѣдственно болѣе другихъ преданные предразсудкамъ отцевъ своихъ, всегда первымъ долгомъ и первою честію поставляли не только не искоренять заблужденій суевѣрія, но еще болѣе и болѣе укрѣплять ихъ въ народѣ. — Генералъ Ермоловъ обратилъ на это особенное вниманіе. — Какъ *Моздоцкіе*, такъ и *Гребенскіе* Козаки управляются нынѣ людьми, и по сердцу, и по уму, и по ранамъ ихъ достойными уваженія.

Домы Козаковъ и снаружи и снутри совершенно Рускіе, кромѣ большихъ сѣней, стѣны которыхъ обыкновенно украшены бываютъ снизу до верху тюфяками, коврами и парчевыми матеріями.

Главное достоинство женщинъ составляетъ трудолюбіе и опрятность. — По крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю моютъ онѣ въ домахъ своихъ не только полы, но даже потолки и стѣны. — Увидѣвъ Козачку въ будничномъ ея платьѣ, почтешь ее Азіяткою. Бѣлая полотняная рубашка вздернута до колѣнъ, и оставляетъ прекрасныя ноги на жертву жаднымъ глазамъ любопытнаго. Платокъ на головѣ и Черкезское легкое полукафтанье

Пушкинский кабинет ИРЛИ

покрываютъ плечи и спину. — Но какъ хороши онѣ въ праздничныхъ своихъ платьяхъ, когда на площади, собравшись въ хороводъ, ласковымъ взоромъ ободряютъ проворство и силу молодыхъ Козаковъ, рыцарствующихъ вокругъ ихъ на легкихъ коняхъ! —

Линейные Козаки довольно прилѣжаютъ къ землепашеству; но главную ихъ промышленность составляютъ виноградные сады и разсаживаніе арбузовъ, которые здѣсь имѣютъ вкусъ особенно пріятный.

Переночевавъ въ станицѣ Червленной, рано по утру переправились мы на правой берегъ рѣки Терека и прибыли съ конвоемъ 50 Гребенцовъ въ отрядъ, стоявшій подъ личною командою Генерала Ермолова, противу ущелья, *Ханкале* называемаго. — Ущелье это служитъ, такъ сказать, воротами въ лѣса, населенные Чеченцами или Мечегишами, народомъ дикимъ, необузданнымъ, едва имѣющимъ вѣру, но никакихъ нравовъ, ничего, чтобъ могло отличить его отъ дикаго звѣря. — Чеченцы образовались изъ разбойниковъ, преступниковъ, убійцъ, изгнанныхъ изъ своего отечества и нашедшихъ убѣжище въ неприступныхъ почти мѣстахъ между снѣжными горами и Терекомъ. — Хлѣбопашество у нихъ почти въ пренебреженіи. Въ бытность мою на линіи, я видѣлъ множество примѣровъ лютости сихъ звѣрообразныхъ разбойниковъ. Но не думай, чтобъ и внутри своей деревни, въ нѣдрахъ самаго своего семейства, Чеченецъ былъ покоенъ и безопа-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сенъ. Ни днемъ, ни ночью не смѣетъ онъ сдѣлать шагу изъ дома безъ заряженнаго ружья, или остро-отточеннаго кинжала. Сосѣдъ врагъ сосѣду, сынъ отцу, братъ брату. За малѣйшій проступокъ, за самую пустую обиду извлекается кинжалъ или блеститъ шашка. Когда я былъ въ отрядѣ подъ Иси-су, одной изъ главной деревень ихъ; то случилось, что тамъ одинъ сынъ убилъ отца за то, что сей послѣдній не хотѣлъ ему дать покурить изъ своей трубки. Какъ ни ужасны таковые примѣры, но не удивляютъ Чеченца.

Кровомщеніе у нихъ во всей силѣ. — Естьли Чеченецъ бываетъ убитъ скрытнымъ или явнымъ образомъ, то всѣ его родственники обязаны непремѣнно искать случая отмстить смерть убитаго кровью убійцы, или по крайней мѣрѣ кого нибудь изъ его родственниковъ. — Отъ искры загарается пожаръ и бываетъ причиною тому, что рѣдко можно найти въ цѣлой Чечнѣ два семейства, между собою согласныя, или одного Чеченца, не боящагося руки мстителя.

Женщины не хороши, и съ непріятною наружностью соединяютъ закоренѣлость нравовъ и нѣчто злобное. Упорны въ нещастіи, хладнокровны къ радостямъ, онѣ служатъ мужьямъ своимъ главнымъ поощреніемъ къ злодѣяніямъ. Ни одна дѣвушка не дастъ руки своей мущинѣ, покуда онъ не принесетъ ей или часть тѣла убитаго имъ иновѣрца, или нѣчто изъ его оружія, какъ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

знакъ своего проворства и храбрости. Даже соединясь съ нимъ, поощряетъ его къ смертоубійствамъ, и гордится предъ другими женами числомъ преступленій своего мужа.

У нихъ свой языкъ, совершенно отличный отъ Татарскаго и для схуха чрезвычайно непріятный.

Вотъ, другъ мой, краткое начертаніе нравовъ того народа въ близи котораго долженъ я былъ провести восемь мѣсяцовъ.

Не думаю, чтобъ нужно было описывать тебѣ жизнь мою на бивакахъ. Такая жизнь не есть для тебя нѣчто новое. Давно ли и самъ ты, закуренный дымомъ, покрытый потомъ и пылью, несъ голову подъ ядра ополченій непріятельскихъ. — Я почти то же дѣлалъ въ Чечнѣ, что ты подъ стѣнами Лейпцига, или на высотахъ Монмартрскихъ. То есть:

Когда прервется ратныхъ сонъ,
И снова ясенъ небосклонъ,
И снова лагерь встрепенется;
Тогда твой другъ къ коню стрѣлой,
Съ уздечкой крѣпкою несется,
Звеня блестящей полосой.
Когдажъ станъ шумный облечется
Покровомъ тишины ночной;
Онъ, сброся ратные доспѣхи,
Поетъ товарищей успѣхи,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Поетъ минувшихъ лѣтъ утѣхи
И пьетъ изъ чаши круговой,
И пьетъ изъ чаши онъ дотолѣ,
Что иль вина не станетъ болѣ,
Иль силъ управиться съ виномъ,
И послѣ богатырскимъ сномъ
Онъ засыпаетъ въ чистомъ полѣ. —

Не буду говорить тебѣ о Генералѣ Ермоловѣ, прогремѣвшемъ по цѣлому міру. И безъ моихъ похвалъ онъ великъ; и безъ меня имя его давно любезно соотечественникамъ, и страшно врагамъ отечества. Съ перваго взгляда замѣтилъ я, что его здѣсь все боится, какъ разрушителя грома и любитъ, какъ благотворное солнце.

Когда отрядъ нашъ подъ Чеченскими пулями окончилъ крѣпость *Грозную* на берегу Сунжи и сдѣлалъ небольшую прогулку въ Сѣверный Дагестанъ, для приведенія къ покорству взбунтовавшихся жителей; тогда побѣдоносныя войска наши получили повѣленіе возвратиться на зимнія квартиры, а мнѣ позволено было ѣхать въ Тифлисъ. — Чрезъ нѣсколько дней былъ я въ Моздокѣ, и, соединясь съ товарищами путешествія, запасся всѣмъ нужнымъ, то есть: добрымъ тулупомъ, мѣховою шапкою и достаточною порціей благотворнаго пѣнника. — Новые товарищи мои были люди преважные:

Одинъ изъ нихъ гусаръ старинный,
Въ отставкѣ Ротмистръ давнихъ лѣтъ,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Чей усъ густой, курчавый, длинный,
Взрощенъ средь браней и побѣдъ.
Чрезъ лобъ, чрезъ носъ, до верхней губы
Шрамъ на лицѣ имѣетъ онъ,
(За то въ серебряныя трубы
Его играетъ эскадронъ.;)
Другой, презрѣвшій тщетность славы
И пушекъ громъ, и ядеръ свистъ,
Низкопоклонный сынъ Полтавы,
Въ судѣ уѣздномъ копистъ;

третій былъ я. Познакомиться съ гусаромъ дѣдушкой было дѣло очень нетрудное. Нѣсколько стакановъ пунша сдѣлали насъ столь же откровенными, какъ и старыхъ пріятелей. Въ продолженіи цѣлыхъ двухъ часовъ говорилъ онъ безъ умолку о давнопрошедшемъ, сравнивая его всегда съ выгодной стороны съ настоящимъ. Всякій разъ, когда онъ начиналъ говорить о своей службѣ, о пукляхъ, за которыя однажды вахмистръ эскадрона, въ которомъ онъ служилъ, посадилъ его на конюшню, о своемъ гнѣздомъ, о покойной женѣ и недавно разбитой имъ фаворитной трубкѣ, которую онъ куривалъ часа по два кряду; когда, говорю я, толь сладкія воспоминанія представлялись воображенію моего рыцаря: то мало по малу морщины изглаживались съ чела его, и маленькіе глаза наполнялись огнемъ молодости. — Молча я его слушалъ и твердилъ про себя прекрасные стихи Дениса

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Давыдова. Картину эту довершалъ служитель Фемиды, который сидѣлъ противу Ротмистра въ нѣкоторомъ отдаленіи, и когда гусаръ къ нему обращался; вставалъ и изъявлялъ свое согласіе низкимъ поклономъ, или трепеталъ при каждомъ *слишкомъ громкомъ* выраженіи, что случалось довольно нерѣдко.

Такъ провели мы вечеръ и на другой день чѣмъ свѣтъ переправились на ту сторону Терека, вмѣстѣ съ почтою. Отъ Моздока и до самаго Тифлиса не пускаютъ однихъ проѣзжающихъ, а должны они непремѣнно дожидаться почты и съ нею слѣдовать. — Это учреждено изъ предосторожности. Частые разбои Горскихъ жителей и нападенія ихъ на караваны дѣлаютъ таковую предосторожность необходимою.

Отъ Моздока и до Владикавказа, исключая нѣкоторыхъ мѣстъ, дорога почти вся гладкая. Первый постъ *Александровскій*, верстахъ въ двухъ отъ Терека; второй *Константиновка* или *Камбылейка*, отъ такъ называемой рѣчки, на которой построенъ; третій и послѣдній *Елисаветинской*. — Онъ стоитъ на землѣ, принадлежащей малой Кабардѣ, краю недавно многолюдному и населенному храбрыми хищниками, которые набѣгами своими часто приводили въ трепетъ Кавказскую линію. Теперь уже моровая язва опустошила ее до такой степени, что едва ли осталась пятая часть жителей. Въ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

отдаленнѣйшихъ Аулахъ или деревняхъ она и доселѣ свирѣпствуетъ.

Крѣпость Владикавказская служитъ ключемъ въ Кавказскія горы и преградою злобнымъ намѣреніямъ Горцевъ. — Какъ самая крѣпость, такъ и предмѣстіе населены только одними военнослужащими, которые, имѣя уже тутъ постояноое и опредѣленное жилище, завелись хозяйствомъ и по большой части женаты. Домы ихъ опрятны и почти что въ Нѣмецкомъ вкусѣ. — Я ночевалъ въ предмѣстіи и провелъ очень пріятно время въ кругу почтеннаго семейства Инженеръ - Капитана Огарева. Гостепріимство и образованность его тѣмъ болѣе имѣли для меня цѣны, что я нашелъ ихъ среди степей Кабардинскихъ, у подошвы Кавказа.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПИРРА.

(Подражаніе Горацію.)

Кто пылкій юноша, любовью упоенный,
О Пирра, близь тебя простертый на цвѣтахъ?
Онъ пьетъ огонь любви, даръ чувствъ непринужденный
На пламенныхъ устахъ
И на груди прекрасной!
Какой навѣсъ прохладный и простой,
Убѣжище для нѣги сладострастной,
Гдѣ пламенемъ горя, любзаемый тобой,
Стремится въ грудь твою излить онъ пламень свой?
Теперь ты для него прелестной быть желаешь,
Движенье каждое искусствомъ украшаешь;
И для него теперь лилейною рукой
Власы по груди молодой
Златою прядью опускаешь.
Нещастный! о когдабъ въ объятіяхъ твоихъ,
Средь упоеній страстныхъ,
Предвидѣть онъ возмогъ всю ярость бурей злыхъ,
Всю тягость горестей ужасныхъ! —
Громъ близокъ, скоро грянетъ онъ;
И бѣдный юноша, возставъ отъ усыпленья,
Со стономъ изумленья

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пойметъ, что все его блаженство было сонъ?
— Что Пирра нѣжная, презря обѣтъ священный,
Другому предалась на вѣкъ. . . . .
Слезами горькими оплачетъ мигъ блаженный,
Который молніей протекъ! —
Безуменъ будетъ тотъ, кто Пиррою плѣнится,
Кто взору томному, смѣющимся устамъ,
Улыбкѣ Ангельской, привѣтливымъ словамъ,
Невѣрной покорится! —

Пушкинский кабинет ИРЛИ

КЪ МЕТЕЛЛІЮ.

Нѣтъ! лучше соглашусь, судьбой, людьми забвенный,
Въ пещаной Ливіи влачить мой вѣкъ презренный;
Иль съ бѣднымъ рыбаремъ, спуская утлый челнъ,
Трапезу скудную испрашивать у волнъ,
Чѣмъ каждый день встрѣчать злодѣевъ сонмъ веселый!

Метеллій! помоги узнать Римлянъ и Римъ!
Твой Муцій въ рубищѣ, оставленъ и гонимъ;
Онъ презрѣнъ, осужденъ; тогда какъ Флаккъ дебелый,
При плескахъ почестой, съ красиваго коня
Взоръ покровительства бросаетъ на меня! —
Погибни навсегда воспоминанье дня,
Когда въ крови, въ пыли, весь язвами покрытый,
Твой Муцій проложилъ путь чести знаменитый!
Метеллій! помнишь ли день Римскаго стыда,
Когда покрыли Тибръ враждебныя суда,
Когда Патриціевъ кровавая измѣна
Приближила къ стѣнамъ злодѣйскія знамена?
Гдѣ былъ тогда сей Флаккъ? среди трусливыхъ женъ
Не онъ ли звалъ къ себѣ постыдный рабства плѣнъ?
И съ воплемъ охватя домашняго пената,
Не онъ ли обнималъ, рыдая, слитки злата?

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О, Римлянъ доблестныхъ безчестье и позоръ!
Я помню видъ его и униженный взоръ! —
Еще вдали отъ стѣнъ кипѣла сѣча брани,
А онъ вздѣвалъ къ богамъ трепещущія длани,
И женъ, и робкихъ женъ усугубляя страхъ
Языкъ коснѣющій мертвѣлъ въ его устахъ! —

Гдѣжъ правда? гдѣжъ трудовъ стяжанье и награда?
Отчаянье въ поляхъ, коварство въ нѣдрахъ града
И вѣси отцвѣли, какъ въ осень злакъ полей. —
Едва въ поту лица, въ кругу своихъ дѣтей
Полвѣка протрудясь надъ непокорной нивой,
Осмотритъ свой запасъ старикъ трудолюбивой
И въ скирды уложивъ стараній тяжкихъ плодъ,
Довольный оботретъ съ чела кровавый потъ,
Какъ алчность вѣчная несытаго владѣльца,
Пожретъ надежду, трудъ и щастье земледѣльца.
Закона гласъ молчитъ! подъ сѣнь его злодѣй
Спокойно кроется отъ дремлющихъ судей. —

О! скороль громъ небесъ, сей мститель справедливый,
Злодѣйства сильнаго раздастся надъ главой,
Изчезнетъ власть твоя, Диктаторъ горделивый,
И въ Римѣ процвѣтетъ свобода и покой?
Метеллій! доживуль минуты толь щастливой?
Иль кончу скорбный вѣкъ среди *Римлянъ - рабовъ?*
Нѣтъ, нѣтъ! настанетъ день. — Свободный отъ оковъ,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Какъ Аравійскій конь, при звукахъ близкой брани,
Воспрянетъ Римлянинъ, мечемъ въ кровавой длани
Омоетъ свой позоръ и стыдъ своихъ отцовъ! —
И скоро! — Но дотолъ, спокойный и безвѣстный,
Наслѣдья скромнаго сокроюсь въ уголъ тѣсный,
И тамъ въ дали суетъ, въ близи домашнихъ ларъ,
Свободой и собой твой Муцій насладится;
Доколь настанетъ день, доколь не разразится
Отмщенья грознаго рѣшительный ударъ.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Отвлеченный обстоятельствами, не имѣлъ я до сихъ поръ времени продолжать начатую мною повѣсть: *Ратмиръ и Свѣтлана.* — Предлагая на судъ почтенныхъ читателей первую пѣснь оной и отрывокъ изъ второй пѣсни, ожидаю отъ нихъ приговора, остановиться при началѣ, или продолжать далѣе?

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПОВѢСТЬ,

РАТМИРЪ и СВѢТЛАНА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Среди Бояръ, сыновъ, дружины,
Владиміръ солнце пировалъ;
Своей рукой онъ рогъ туриный
Гостямъ усердно наливалъ,
И гости дружно осушали.
Бояринъ, Гридня и Варягъ
Надёжѣ Князю лѣтъ и благъ
Отъ сердца чистаго желали. —
Одинъ лишь Князя вѣрный другъ,
Гроза Рогдай, воитель смѣлый,
Какъ лунь во брани посѣдѣлый,
Смотрѣлъ задумчиво вокругъ.
Онъ не касался вкусныхъ брашенъ,
Не пилъ изъ рога свѣтлый мёдъ,
Но взоръ его былъ дикъ и страшенъ,
Какъ въ бурю неба мрачный сводъ.
И брови опустясь, какъ туча,
Скрывали тусклый пламень глазъ.
Уныньe Витязя могуча
Догадливый замѣтилъ Князь.
Онъ налилъ рогъ виномъ зеленымъ:

Пушкинский кабинет ИРЛИ

„Рогдай за Рускихъ и меня
За щастье радостнаго дня
И въ честь Боярамъ приглашеннымъ!“ —
Рогдай безмолвно выпилъ рогъ. —
„Признайся другу откровенно,
Или кто рѣчью дерзновенной
Тебя въ пиру обидѣть могъ?
Повѣдай мнѣ товарищъ дѣтства,
Какая скорбь, какія бѣдства
Смутили духъ безстрашный твой?
Въ казнѣль твоей не стало злата?
Не болѣнъ ли твой конь саратай?
Или скучаешь тишиной,
Отъ юныхъ лѣтъ привыкшій къ брани?
Иди къ Древлянамъ, требуй дани
И тамъ мятежниковъ карай.“

— Въ казнѣ моей богатства много,
Печально отвѣчалъ Рогдай;
Не болѣнъ конь мой быстроногой,
Не надоѣлъ родимый край,
И ни одинъ во градѣ цѣломъ
Ни словомъ не желалъ, ни дѣломъ
Мнѣ оскорбленіе нанесть;
И горе! дерзкомубъ отмстила
Моей тяжелой мышцы сила

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И оскорбленная имъ честь.
Ты знаешь самъ: средь становъ ратныхъ
Я взросъ для битвъ; съ юнѣйшихъ лѣтъ
Любилъ сраженья, кликъ побѣдъ,
И трупы въ битвахъ коловратныхъ
Вездѣ мой устилали слѣдъ, —
Всѣ чувства заглушались славой!
Когдажъ, окончивъ бой кровавой,
Торжественно въ престольный градъ
Я пріѣзжалъ съ добычей славной,
Мнѣ пустъ казался градъ державной,
Ябъ въ поле полетѣлъ назадъ. —
Красавицъ я всегда боялся,
Мнѣ все казалось, что скрывался
Въ ихъ взорахъ тайный злобы ядъ,
Всегда готовый на злодѣйства;
Ихъ голосъ нѣжный я считалъ
За заклинанья чародѣйства.
Но часто втайнѣ я вздыхалъ
И думалъ такъ: когда увянетъ
Во мнѣ вся крѣпость прежнихъ лѣтъ,
Сѣдина въ волосахъ проглянетъ,
И старость дряхлая придетъ,
Подпорой кто служить мнѣ станетъ?
Кому тяжелый мечь вручу
И лукъ тугой, и шлемъ булатной?

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Кого тогда наукѣ ратной
Моимъ примѣромъ научу?
И кто потомъ, враговъ карая,
Рѣками злую кровь точа,
Напомнитъ остріе меча
Полузабытаго Рогдая?

— Однажды я разбилъ отрядъ
Хозаровъ злыхъ; ихъ станъ разграбилъ,
И съ торжествомъ въ престольный градъ
Добычу и рабовъ отправилъ,
И двухъ дѣтей. — Когда мечемъ
Я въ станѣ пировалъ съ врагами,
Боролся съ храбрымъ ихъ вождемъ;
Малютки дѣтскими руками
Ко мнѣ тянулись: я ихъ взялъ,
И ношу положивъ на плечи,
Безвредно вынесъ ихъ изъ сѣчи
И за дѣтей моихъ призналъ. —
Девятый годъ Ратмиръ съ Свѣтланой
Меня зовутъ своимъ отцомъ,
Девятый годъ мой теремъ браной
Считаютъ за отцовскій домъ.
Какъ вешній день, красна Свѣтлана;
Добра, умна, лицемъ румяна.
Ратмиръ красивъ, широкъ въ плечахъ,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Неутомимъ, правдивъ безстрашенъ,
И въ нѣжныхъ юности годахъ
Благоразуміемъ украшенъ.
Надежду всю считалъ я въ немъ
И думалъ въ немъ ожить подъ старость;
Теперь, Владиміръ, легкимъ сномъ
Напрасная изчезла радость.
Ратмиръ копье отбросилъ прочь,
Повѣсилъ острый мечь на стѣну
И ликъ Спасителя въ замѣну
Кропитъ слезами день и ночь.
Но мало всё: сего дни рано
Ратмиръ рука съ рукой съ Свѣтланой
Въ слезахъ упали предо мной. —
„Отецъ! пусти насъ въ градъ святой
Свершить обѣтъ.“ — Я изумился
Дѣтей пустить въ такую даль!
Но въ сердцѣ заключа печаль,
Вздохнулъ, подумалъ, согласился.
Теперь дивись, Владиміръ, мнѣ,
Что вкусныхъ яствъ я не вкушаю,
Что радость шумная въ винѣ
Чужда печальному Рогдаю. —

Рогдай сказалъ: окончанъ пиръ!
Умолкъ отъ плесковъ дворъ широкой,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И къ Князю въ теремъ одинокой
Былъ призванъ съ дѣвою Ратмиръ.

Они предстали: кто опишетъ
Невинной дѣвы скромный видъ?
Какъ грудь ея вздымаясь дышетъ,
И тихо полотно колышетъ,
И взоры нехотя манитъ. —
Какая кисть представитъ живо
Румянецъ дѣвственныхъ ланитъ!
Свидѣтель чувствъ ея не лживой?
Не въ жемчугахъ, не подъ фатой,
Не съ поясомъ златымъ вкругъ стана,
Не въ сергахъ съ крупной бирюзой
Предстала робкая Свѣтлана.
На Князя подняла глаза,
Вздохнула, оробѣвъ запнулась,
И непритворная слеза
Въ глазахъ небесныхъ навернулась.
Но чтожъ? Владимиръ обомлѣлъ,
Не могъ промолвить ни полслова;
Три раза говорить хотѣлъ;
Три раза замолкая снова,
На дѣву пристально смотрѣлъ.
Ратмиръ стоялъ въ недоуменьѣ;
Какъ будто на огнѣ горѣлъ.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О какъ въ свое уединенье
Охотнобъ бѣдный полетѣлъ
Изъ терема съ Свѣтланой милой!

Собравшись напослѣдокъ съ силой,
Ратмиръ съ Свѣтланой на коверъ
Другъ подлѣ друга сѣли тѣсно,
И ласково съ красой небесной
Вступилъ Владиміръ въ разговоръ. —

— Будь искренна! я другъ Рогдаю;
Гдѣ родилась ты? —
„Отъ пеленъ
Доставшися къ Хозарамъ въ плѣнъ,
Отчизны я моей не знаю,
Отца ни матери; пять лѣтъ
Пріютомъ мнѣ служилъ и кровомъ,
Разбитый на лугу шелковомъ,
Кагана смуглаго наметъ.
Ратмиръ былъ также съ малолѣтства
Вождемъ Хозарскимъ похищенъ;
Ратмиръ мнѣ былъ товарищъ дѣтства
И братъ по сердцу отъ пеленъ,
Хотя рожденъ въ странѣ далекой.
Едва изъ-за горы высокой
Являлось солнце средь небесъ,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Рашмиръ въ густой пускался лѣсъ,
Или за ланью круторогой
Леталъ съ утеса на утесъ
Съ стрѣлою легкой и пернатой;
А я за тканью цѣлый день
Ждала желаннаго возврата,
И каждый разъ ночная тѣнь
Опять мнѣ возвращала брата.
Любилъ суровый насъ *Каганъ*;
И часто возращаясь въ станъ
Изъ селъ разграбленныхъ съ добычей,
Рашмиру привозилъ колчанъ,
Иль дивный мечь далекихъ странъ,
А мнѣ дарилъ покровъ дѣвичій;
Любилъ суровый насъ *Каганъ*.
Питомцы юные природы,
Мы были чужды рабскихъ узъ,
Не зная имени свободы.
Однажды, — и теперь трясусь!
Былъ день чудесный: гордо въ воды
Смотрѣлось солнце съ высоты;
Ярчѣе разцвѣли цвѣты,
Прохладой вешней все дышало,
Былъ чистъ и ясенъ сводъ небесъ,
Едва шепталъ безмолвный лѣсъ,
И эхо звонкое молчало. —

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Вдругъ дунулъ вѣтеръ, лѣсъ завылъ:
Вдругъ черныя столкнулись тучи;
Перунъ столѣтній дубъ сломилъ,
И взвился къ небу прахъ летучій.
Ужасно! всюду ночь и мракъ,
И въ щитъ тяжелые удары,
И страшный крикъ: къ мечамъ, Хозары!
Наметы окружаетъ врагъ,
Постыдной съ насъ онъ хочетъ дани
И истребленіемъ грозитъ! —
Раздался вопль, предвѣстникъ брани;
И мечь о мечь, и щитъ о щитъ
Съ ужасною столкнулись силой!
Едва дыша, твердила я:
Ратмиръ! не покидай меня,
Не оставляй Свѣтланы, милой;
И съ братомъ робко притаясь,
Какъ серна бѣдная, трясясь
Въ себѣ я жизни не слыхала.
Полдня ужасный былъ пожаръ,
И землю смерть окровавляла.
Вдругъ въ ставку ринулась Хозаръ
Толпа съ блестящими мечами;
За ними воинъ, страшенъ взоръ!
Ужасенъ мечь его широкой,
Кровавое вращая око,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Хозаръ онъ довершилъ позоръ,
И всѣ предъ нимъ упали мертвы;
Тогда и насъ увидѣлъ онъ.
— Напрасенъ вашъ невинный стонъ,
Сказалъ Рогдай: — толь слабой жертвы
Я никогда не поражалъ. —
Сказалъ, и сильною рукою
Схвативши насъ, унесъ изъ бою.
Съ тѣхъ поръ дѣтьми своими звалъ
Онъ научалъ меня съ Ратмиромъ
Перуна, Ладу, Леля знать
И жертвы приносить кумирамъ,
И храмъ цвѣтами украшать.
Но вдругъ Перунъ стремглавъ свалился
Съ горы въ пучину быстрыхъ водъ,
И храма Лады гордый сводъ,
Огнемъ объятый, сокрушился.
— Гдѣжъ сила чудная боговъ?
Мнѣ говорилъ Ратмиръ смущенный:
За чѣмъ Перуна громъ священный
Не разразилъ его враговъ,
Поступокъ видя ихъ безбожный?
Свѣтлана, нѣтъ! боговъ не можно,
Безъ наказанья, оскорблять.
А естьли боги такъ ничтожны

Пушкинский кабинет ИРЛИ

За чѣмъ ничтожныхъ обожать?
Нѣтъ! власть ихъ призракъ невозможный! —

„И съ той поры, Рогдаевъ домъ
Покинувъ иногда украдкой,
Надежды полны, съ вѣрой сладкой
Мы бога въ алтарѣ святомъ
Въ слезахъ молили о прощеньѣ
Невольно впадшихъ въ заблужденье
И обратившихся дѣтей;
И скоро на землѣ священной,
Святою кровью орошенной,
Оплачемъ грѣхъ минувшихъ дней!"

— Но, дѣва юная! опасно
Тебѣ въ такой пускаться путь;
Свѣтланѣ робкой и прекрасной
Вездѣ найдется врагъ ужасной,
Готовый дерзко посягнуть
Рукой на дѣвственную грудь. —

„Богъ сильный, слабыхъ дѣвъ защита;
И Тотъ, Кто маніемъ однимъ
Взоръ ясный возвращалъ слѣпымъ
И мертвыхъ воскрешалъ изъ гроба,
Мнѣ будетъ всюду твердый щитъ:

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Меня Всевышній защититъ,
Предъ Вѣчнымъ устыдится злоба." —

— Но жажду, гладъ и зной степей
Ты перенесть не будешь въ силѣ:
Они безвременно къ могилѣ
Тебя приближатъ въ цвѣтѣ дней! —

„Въ степяхъ избранному народу
Богъ манну посылалъ съ небесъ;
Изъ камня изсякалъ Онъ воду,
И превращалъ дремучій лѣсъ
Въ обильный вертоградъ зеленый!"

Замолкъ Владиміръ удивленный.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

РАЗСКАЗЪ ЗМѢЯДА.

ИЗЪ 2й ПѢСНИ.

Лѣтъ за сто, иль немного болѣ,
На волгѣ я увидѣлъ свѣтъ,
Богатъ, красивъ, я въ двадцать лѣтъ
На собственной остался волѣ:
Но съ юныхъ лѣтъ я былъ мудрецъ;
Не льстилъ лавровый мнѣ вѣнецъ,
И я всегда награду славы
Считалъ за призракъ величавый,
Для слабыхъ созданный сердецъ.
Но ропотъ дѣвы побѣжденной
Отъ строгой матери тайкомъ,
И вопль раскаянья потомъ,
И слезы дѣвы обольщенной —
Вотъ славу находилъ я въ чёмъ.
Мой первый опытъ: въ хатѣ низкой,
Отъ моего жилища близко,
Жилъ бѣдный старецъ: дряхлъ и сѣдъ;
Не могъ работать онъ; но руки
Больнаго старца милой внуки,
Подруги горестей и бѣдъ,
Его кормили, одѣвали

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И слезы крупныя печали
Въ глазахъ изсохнувшихъ отъ лѣтъ
Съ участьемъ нѣжнымъ осушали.
Однажды я помчался въ лѣсъ
За ланью легкой; лань пропала,
А быстрый конь меня понесъ
И долго мчалъ; — вдругъ ночь настала
Одѣлся мракомъ сводъ небесъ,
И бурей небо угрожало.
Отставъ отъ ловчихъ и друзей,
Одинъ я въ темнотѣ остался,
И къ замку узкою стезей
Сквозь чащу лѣса пробирался.
Храпѣлъ и ржалъ уставшій конь.
Вдругъ гдѣ-то промелькнулъ огонь;
Блеснулъ опять, опять сокрылся;
Я ближе, и увидѣлъ домъ
Полуобрушенный, и въ немъ
Отрадный огонекъ свѣтился.
Проворно привязавъ коня,
Я въ дверь толкнулъ рукою смѣлой,
Согрѣть желая у огня
Продрогшее отъ стужи тѣло.
Вошелъ и чтожъ? старикъ слѣпой
Тотъ самый, о которомъ прежде
Я говорилъ тебѣ: больной

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Въ изорванной въ клочки одеждѣ
Сидѣлъ съ красоткой молодой.
Она вздрогнула, испугалась
И крѣпко къ старику прижалась;
А я остался какъ нѣмой. —
Кого, спросилъ слѣпой, намъ боги,
Людмилла, въ нашъ шалашъ убогій
Послали въ поздній ночи часъ? —
Едва лишь солнца лучь погасъ,
Старикъ, я заблудился въ полѣ
И ночью не найду мой путь.
Позволь мнѣ часъ иль два не болѣ
Съ тобой подъ кровлей отдохнуть!
Межь тѣмъ прекрасная Людмилла
Проворно полотномъ прикрыла
Открытую для взоровъ грудь,
И такъ мнѣ робко говорила: —
Ахъ, витязь добрый! какъ теперь
Не страшно ѣздить ночью темной?
Въ лѣсу — — свирѣпый звѣрь,
Я знаю, храбръ ты; но повѣрь,
Опасенъ въ полѣ волкъ голодной;
Ну что, когда бы такъ съ тобой
Онъ встрѣтился ночной порой? —
Но Лель! то былобъ слишкомъ длинно,
Когдабъ я все пересказалъ,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Что слышалъ отъ красы пустынной:
Какъ въ зеркалѣ, въ душѣ невинной
Я быстро мысль ея читалъ.
Прояснѣлъ день, и я разстался,
Давъ благодарности залогъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ только часто могъ,
Въ шалашъ къ Людмиллѣ возращался,
И медленно огонь вливалъ
Въ грудь дѣвы юной и прекрасной;
— — — — — — — —
— — — — — — — —
Чтобъ кончить длинный мой разсказъ,
Скажу тебѣ: въ послѣдній разъ,
Какъ я зашолъ въ шалашъ убогой,
Поплакавъ, погрустивъ немного,
— — — — — — —
И скоро отъ стыда увяла.
Старикъ слѣпой, оставшись сиръ,
Напрасно призывалъ Людмиллу;
Грустилъ, хворалъ, оставилъ міръ
И слегъ въ холодную могилу. —

Таковъ я въ юныхъ былъ годахъ.
— — — — — — — —
— — — — — — — —
Но Лель! какой пловецъ, ненастья

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Грозы не испыталъ въ моряхъ?
Безъ хвастовства признаюсь смѣло,
Что славно зналъ свое я дѣло.
Но вдругъ огонь во мнѣ потухъ,
Желанье въ сердцѣ помертвѣло,
И бодрый истощился духъ,
И тощее ослабло тѣло. —
Дугой согнулся гордый станъ:
Пропалъ румянецъ, и туманъ
Подернулъ вдругъ мой взглядъ орлиный,
Столпились на лицѣ морщины,
И въ черныхъ волосахъ, какъ вранъ,
Сребристыя вплелись сѣдины.
Чтожъ было дѣлать? я грустилъ;
А быстро подвигалась старость —
Мертвила всё: остатокъ силъ
И крови жаръ, и груди пылъ,
Которой въ насъ вдыхаетъ младость;
Себѣ, другимъ я въ тягость былъ,
И самое названье *радость*
Тогда я въ грусти позабылъ.
Грѣшить безсильный, я отъ скуки
Волшебной предался наукѣ
И сталъ искусный чародѣй,
Не для того, чтобъ двигать тучи,
Изъ ада вызывать тѣней,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Иль развернясь, какъ змѣй летучій,
Могучихъ бить богатырей,
Но къ дѣвѣ скромной невидимкой
Въ высокій теремъ заглянуть
Тогда, какъ дѣвственная грудь
Съ завистливой простится дымкой;
Иль ей въ полночной тишинѣ
Привидѣться въ глубокомъ снѣ,
Въ любезномъ видѣ, легкой тѣнью
Обвѣять нѣгой, влить любовь
И пылкую волнуя кровь,
Дать образъ правды сновидѣнью.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ